

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КНИГИ ТЕСС ГЕРРИТСЕН

*Серия о Джейн Риццоли
и Мауре Айлз*

Хирург

Ученик

Грешница

Двойник

Смертницы

Клуб Мефисто

Хранитель смерти

Гиблое место

Гробовое молчание

Я знаю тайну

■

Жатва

Бешенство

Лихорадка

Химера

Сад костей

Пропавшая девушка

ТЕСС
ГЕРРИТСЕН

ГИБЛОЕ МЕСТО

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г 39

Tess Gerritsen
ICE COLD
Copyright © 2015 by Tess Gerritsen
All rights reserved

Перевод с английского Наталии Куликовой
Оформление обложки Владимира Гусакова
Иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой

ISBN 978-5-389-17048-3

© Н. Куликова, перевод, 2012
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Джеку Р. Уайнсену
из Школы Карни, Сан-Диего:
Ваши уроки я не забуду никогда*

Благодарности

Работа писателя требует одиночества, но я не одинока. Мне повезло, потому что мне помогают и всячески меня поддерживают мой муж Джекоб, литературный агент Мег Рули и редактор Линда Марроу. Я также очень благодарна Селине Уокер из издательства «Трансуорлд»; Брайану Маклендону, Либби Магуайр и Ким Хови из «Баллантайн букс», а еще — энергичной и чудесной команде Агентства Джейн Ротрозен.

Ангельский Дол, Айдахо

Она — избранная.

Он месяцами присматривался к девочке, еще с тех пор, как она с родителями перебралась в общину. Ее отец Джордж Шелдон, обычный плотник, трудился в строительной бригаде. Мать, кроткая и неприметная женщина, помогала в общинной пекарне. Оба они были безработными и жили в крайней нужде, когда в поисках духовного спасения и хоть какого-то утешения зашли однажды к нему в церковь в Айдахо-Фолс. Иеремия только посмотрел им в глаза и сразу увидел то, что надеялся увидеть: заблудшие души в поисках спасительной пристани — любой.

Эти люди созрели для жатвы.

Теперь Шелдоны с дочкой Кейти жили в доме «В», в недавно отстроенном дворе Голгофы. Каждое воскресенье они ходили в молельный дом и сидели на закреплённой за ними скамье в четырнадцатом ряду. В палисаднике у них пестрели мальвы и подсолнухи — те же яркие, нарядные цветы, какими все местные украшали свои садики. Во многом они были почти неотличимой частью общины, как и остальные шестьдесят четыре семьи, которые вместе работали, вместе молились и каждую вечерю Господню вместе преломляли хлеб.

Но было нечто, причем очень важное, что выделяло Шелдонов из общей массы. У них была невероятно красивая дочка. Девочка, которая невольно притягивала его взгляд.

Вот и сейчас, глядя в окно, он заметил ее в школьном дворе. Был теплый сентябрьский день, на большой перемене ученики гурьбой высыпали на улицу — мальчики в белых рубашках и черных брюках, девочки в длинных платьях пастельных тонов. Все они были здоровыми, загорелыми, как и положено детям. Но даже среди грациозных девочек, напоминающих стайку маленьких лебедей, Кейти Шелдон была самым очаровательным созданием, со своей копной непослушных кудрей, со звонким, залихватистым смехом. Как быстро меняются девочки, подумал он. За какой-то год ребенок превратился в стройную девицу. Сияющие глаза, роскошные волосы, румянец на щеках — все это говорило о том, что в подростковом возрасте пробуждается женщина.

Она стояла с двумя подругами в тени старого дуба. Все три девочки склонили головки — ни дать ни взять три грации, нашептывающие друг другу секреты. Вокруг них кипела обычная школьная жизнь — ребята шумели, играли в классики, гоняли в футбол.

Но в какой-то момент он заметил, что к девичьему трио с другого конца двора направляется парнишка, и померчал. Мальчишке на вид лет пятнадцать, светлые волосы небрежно взлохмачены, коротковатые штанины нелепо болтаются на длинных ногах. Где-то на полпути мальчик замедлил шаг и замер в нерешительности. Затем вскинул голову и уверенно направился к девочкам. К Кейти.

Иеремия приник к окну.

Когда мальчик подошел совсем близко, Кейти взглянула на него и улыбнулась. Милой, невинной улыбкой — но относилась она к однокласснику, у которого почти

наверняка на уме было только одно. Да-да, Иеремия прекрасно понимал, что в голове у этого мальчишки. *Грех. Скверна.* Теперь Кейти и этот парень беседуют — две подружки тактично удалились, оставив их наедине. Из-за шума на школьном дворе он не слышал, о чем говорят дети, но видел, что Кейти слова парнишки приятны, — вот она задумчиво склонила голову, а затем кокетливым жестом откинула волосы с плеч. Он видел, как парень склонился над ней, словно смакуя, вбирая в себя ее аромат. Кажется, это отпрыск Маккиннона. Адам, Алан, или как его там. Последнее время в общине появилось так много семей и так много детей, что всех не упомнишь. И сейчас он не сводил глаз с этих двоих, так крепко вцепившись в оконную раму, что его ногти впились в слой краски.

Он резко развернулся и вышел из кабинета, с шумом спустился по лестнице. С каждым шагом он все сильнее стискивал зубы — досада, словно едкая кислота, прожигала грудь. Он стремительно вышел из здания, хлопнув дверью, но у самых ворот школы помедлил, пытаясь взять себя в руки.

Так не пойдет. Гневаться ему не пристало.

Зазвенел колокольчик — перемена кончилась. Иеремия сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться. В воздухе пахло свежескошенной травой, из общинной кухни, что была неподалеку, доносился аромат хлеба. На другой стороне поселка, где возводили молеальный дом, слышался визг пилы и дробное эхо десятка молотков. Благие звуки добросовестного труда, совместной работы братьев и сестер во славу Всевышнего. «А я их пастырь, — с гордостью подумал он, — я указываю им путь. И вот как далеко мы уже продвинулись!» Стоит взглянуть хотя бы на этот растущий поселок с десятком новых домов — сразу ясно, что его подопечные ни в чем не знают нужды.

Наконец он открыл калитку и ступил на школьный двор. Торопливо прошел мимо младшего класса, где ре-

бятишки хором разучивали алфавит, и заглянул в комнату старшекласников.

Учительница, завидев его, поспешно вскочила из-за стола.

— Пророк Гуд, какая честь для нас! — залепетала она. — Вот не ожидала, что вы сегодня удостоите нас своим вниманием...

Он улыбнулся, и женщина залилась румянцем: его внимание ей польстило.

— Сестра Дженет, не надо лишних хлопот. Я просто зашел поздороваться с классом. И убедиться, что все с энтузиазмом приступили к занятиям в новом учебном году.

Учительница с улыбкой обернулась к школьникам:

— Мы же с вами понимаем, какая это честь, — нас удостоил вниманием сам пророк Гуд. Поприветствуем же его!

— Здравствуйте, пророк Гуд! — дружно прогудел класс.

— Надеюсь, у всех этот учебный год начался успешно? — спросил он.

— Да, пророк Гуд, — снова откликнулись дети так дружно, словно перед этим долго репетировали.

Кейти Шелдон, отметил Иеремия, сидит за третьей партией. А белобрысый мальчишка, который заигрывал с ней во дворе, устроился прямо у нее за спиной. Пророк начал медленно обходить классную комнату, делая вид, что рассматривает детские рисунки и сочинения, развешенные по стенам, и время от времени одобрительно кивал. Как будто ему есть до них дело. В действительности он сейчас ни о чем не мог думать, кроме Кейти, которая скромно сидела за своей партией, потупив взор, как и положено благовоспитанной девице.

— Я бы не хотел мешать занятиям, — сказал он. — Пожалуйста, продолжайте урок, как если бы меня здесь не было.

— Ну... хорошо. — Учительница откашлялась. — Я попрошу вас, ребята, открыть задачник по математике на второй и третьей странице. Выполните упражнения с десятого по шестнадцатое. А потом мы проверим ответы.

Зашелестели страницы, карандаши быстро зачиркали по бумаге, а Иеремия тем временем прохаживался по классу. Дети не осмеливались взглянуть на него, все склонились над тетрадями. Был урок алгебры, — честно говоря, этот предмет никогда ему не давался, да он особо и не старался. Возле парты, за которой сидел белобрысый парень, столь недвусмысленно проявлявший интерес к Кейти, пророк помедлил и, заглядывая через плечо ученику, ухитрился разобрать имя на тетради: Адам Маккиннон. Смутьян, с которым когда-нибудь придется разобратся.

Дойдя до парты, за которой сидела Кейти, он остановился и бросил взгляд поверх склоненной головы девочки. Она быстро, нервным почерком накорябала ответ и тут же стерла его. Ее длинные волосы были заплетены в косы, так что сзади над воротником виднелся участок нежной шеи — кожа на нем вспыхнула, став темно-красной, словно пророк опалил ее взглядом.

Склонившись над ученицей, он вдохнул ее аромат и почувствовал, как по чреслам разливается жар. Нет ничего приятнее аромата молоденькой девушки, а эта девочка была для него слаще всех. Под тканью лифа уже угадывались едва набухшие груди.

— Не волнуйся так, милая, — тихо произнес он. — Мне тоже алгебра давалась с трудом.

Кейти подняла глаза, и улыбка, которой она его одарила, была такой обворожительной, что он на миг потерял дар речи. «Да, — подумал Иеремия. — Это она, я не ошибся».

Скамьи утопали в цветах и атласных лентах, живые гирлянды ниспадали с потолочных балок недавно построенного молельного дома. Цветов было так много, что казалось, это не зал, а благоуханный райский сад, сияющий всеми красками радуги. Из окон-розеток лился утренний свет, две сотни ликующих голосов сливались в восторженном гимне: «Господь, мы с Тобой навеки. Жатва Твоя обильна, тучны Твои стада».

Пение постепенно затихло, торжественно и победно вступил орган. Все начали оборачиваться к входу, где теперь стояла Кейти Шелдон, — она вошла и застыла в дверях, смущенно потупив взор и зная, что все взгляды теперь прикованы к ней. На ней было белое, отделанное кружевом платье, которое сшила ей мать, из-под пышной юбки выглядывали новенькие атласные туфельки. Ее пышные волосы украшал девичий венец из белых роз. Орган все звучал, и собравшиеся нетерпеливо ждали, но Кейти не двигалась. Ей не хотелось идти вперед.

Но делу помог отец. Он взял девочку за руку, с силой сжал, и она поняла это как приказ: «Попробуй только опозорить меня!»

И Кейти, едва переступая одеревеневшими ногами в красивых атласных туфельках, двинулась вперед, к алтарю, что высился в конце прохода. К человеку, которого сам Господь назначил ей в мужа.

Она не смотрела по сторонам, но краем глаза все же замечала знакомые лица: вокруг были ее учителя, подружки, соседи. Вот сестра Диана, работавшая в пекарне вместе с ее мамой, а это брат Реймонд, пастух, — ей нравились коровы, и он разрешал гладить их бархатистые бока. А вон, в самом первом ряду, стоит ее мама — раньше она никогда не подходила так близко к кафедре. В первом ряду были почетные места — для самых привилегированных членов общины. Мать, похоже, была довольна собой,

она стояла с гордо поднятой головой, тоже в венце из роз — ни дать ни взять королева.

— Мама, — прошептала Кейти, — мама...

Но грянул новый торжественный гимн, и слова ее потонули в многоголосом хоре.

У алтаря отец наконец отпустил ее руку.

— Будь умницей, — сказал он и отступил назад, туда, где стояла мать.

Девочка рванулась было за ним, но ей не дали уйти.

Пророк Иеремия Гуд загородил ей путь к отступлению. Он взял ее за руку.

Пальцы, стиснувшие онемевшую ладошку Кейти, казались ужасно горячими. А какой огромной выглядела его ручища — словно кулак великана, сомкнувшийся на ее пальцах.

Собравшиеся запели свадебный гимн. «Союз счастливый в Небесах, Господь, благослови...»

Пророк Гуд притянул ее к себе, и девочка вскрикнула от боли, когда его пальцы, словно когти, вцепились в ее ладонь. «Теперь ты моя, ты связана со мной по Божьей воле, — говорил этот жест. — Ты будешь послушна мне».

Кейти обернулась и бросила последний взгляд на отца и мать. Она молча умоляла забрать ее отсюда, увести домой, потому что там ее место. Оба родителя радостно и вдохновенно пели гимн. В отчаянии оглядывая зал, девочка пыталась отыскать кого-нибудь, кто вырвал бы ее из этого кошмара, но люди лишь одобрительно кивали и улыбались — вокруг было целое море улыбок. Солнце сверкало на лепестках цветов, радостный хор в две сотни голосов заполнял пространство зала.

И никто в этом зале не замечал — и не желал замечать — молчаливых призывов о помощи, которые тщетно бросала в толпу тринадцатилетняя девочка.

Через шестнадцать лет

Роман близился к концу, но ни один из них не желал признавать очевидного. Вместо этого они говорили о том, что дороги залило и с утра всюду пробки и что, по всей вероятности, ее рейс из аэропорта Логан отложат. Не говорили лишь о том, что действительно волновало обоих, хотя Маура слышала тревожные нотки в голосе Дэниела Брофи, да и ее собственный голос, чересчур тихий и сдержанный, выдавал волнение. Оба старательно делали вид, что у них все по-прежнему — просто устали от бесконечных мучительных споров, которые обычно затягивались далеко за полночь и за которыми с неизбежностью следовали любовные объятия. После таких бесед она всегда чувствовала, что нуждается в любви, и требовала ее.

«Если бы ты мог оставаться со мной каждую ночь! Какое это счастье — каждое утро просыпаться вместе!» — «Но здесь и сейчас я с тобой, я твой, Маура». — «Не совсем. И так будет, пока ты не сделаешь выбор».

Она глянула за окно: машины на шоссе пробивали стену ливня, разбрызгивая лужи. «Дэниел никогда не решится, — думала она. — И даже если он выберет меня, если откажется от духовного сана, если оставит свою любимую церковь, чувство вины будет омрачать наш союз, преследуя нас, словно укоризненный взгляд бывшей любов-

ницы». Дворники сметали потоки воды с ветрового стекла, полумрак за окном был под стать ее настроению.

— Кажется, ты успеваешь к рейсу впритык, — сказал он. — Ты прошла онлайн-регистрацию?

— Еще вчера. У меня на руках посадочный талон.

— Отлично. Это сэкономит несколько минут.

— Мне еще надо сдать чемодан в багаж. Зимняя одежда в сумку не влезла.

— Не могли выбрать для медицинской конференции место потеплее! Что делать в Вайоминге в ноябре!

— Говорят, Джексон-Хоул — красивое место.

— Бермуды не хуже.

Маура украдкой бросила взгляд на Дэниела. Полумрак салона скрадывал морщинки на его усталом лице, а вот густеющая седина его волос была заметна. «Прошел всего год, — подумала она, — а мы так постарели! Любовь состарила нас обоих».

— Когда я вернусь, давай съездим вдвоем туда, где тепло, — сказала Маура. — Просто на выходные. — Она беспечно усмехнулась. — Черт, давай забудем обо всем и закатимся куда-нибудь на целый месяц!

Ответом было молчание.

— Или я слишком многого требую? — осторожно спросила она.

Дэниел устало вздохнул.

— Мир все равно напомним о себе. И рано или поздно нам придется туда вернуться.

— Но нас ведь никто не заставляет.

Взгляд, которым он посмотрел на нее, был полон грусти.

— Ты ведь сама в это не веришь, Маура. — Теперь он переключил внимание на дорогу. — Как и я.

«Он прав, мы оба верим в эту чертову ответственность, — подумала она. — Я каждый божий день езжу на работу, в срок плачу налоги и вообще выполняю все то,

что велит мне общество. Я могу сколько угодно распинаться о том, как это здорово — сбежать вместе с ним, выкинуть еще что-нибудь сумасбродное, но я-то знаю, что у меня не хватит смелости. И Дэниелу тоже».

Он притормозил перед залом вылета. С минуту оба сидели молча, не глядя друг на друга. Маура отвернулась к окну и принялась рассматривать других пассажиров, выстроившихся в очередь на регистрацию при въезде; все они укутались в дождевики — ни дать ни взять похоронная процессия хмурым ноябрьским утром. Очень не хотелось выходить из теплого салона машины и присоединяться к этой унылой толпе. «А что, если я не полечу, а попрошу его отвезти меня домой? — мелькнула мысль. — Может, поговорив обо всем начистоту еще пару часов, мы найдем выход из тупика?»

В стекло постучали — на них смотрел полицейский из охраны аэропорта.

— Здесь только высаживают, — рявкнул он. — Проезжайте.

Дэниел опустил боковое стекло.

— Я подвез ее к рейсу.

— Ну так поторапливайтесь, не до вечера же тут сидеть.

— Я выгружу твой багаж, — предложил Дэниел и вышел из машины.

Они стояли на тротуаре молча, поеживаясь от холода, среди какофонии звуков — рычания автобусов, воя клаксонов. «Если бы он был моим мужем, мы бы сейчас поцеловались на прощание», — подумала Маура. Но они давно приучились избегать любых проявлений чувств на публике, и, хотя на Дэниеле сейчас нет белого клерикального воротничка, даже простое дружеское объятие было бы слишком рискованным.

— Я ведь не обязана ехать на эту конференцию, — сказала она. — Мы могли бы побыть вместе целую неделю!

Он вздохнул:

— Ты же знаешь, Маура, я не смогу отлучиться на целую неделю.

— А когда сможешь?

— Мне нужно время, чтобы подготовиться. Но мы обязательно выберемся куда-нибудь, я обещаю.

— И непременно подальше от дома, да? Туда, где нас никто не знает? На этот раз я хотела бы пожить с тобой неделю, никуда не уезжая.

Дэниел покосился на полицейского, который, похоже, снова направился в их сторону.

— Мы поговорим об этом, когда ты вернешься.

— Разумеется, поговорим. — Маура рассмеялась. — Это мы прекрасно умеем. Мы только и делаем, что говорим. — Она подхватила свой чемодан.

Дэниел протянул к ней руку:

— Маура, прошу тебя. Давай не будем вот так расставаться. Ты ведь знаешь, я люблю тебя. Мне просто нужно время, чтобы разобраться.

Его лицо помрачнело. Долгие месяцы обмана и бездействия, сомнений и угрызений совести наложили отпечаток, отравляя мгновения счастья с любимой. В другой раз она непременно утешила бы его улыбкой, дружеским пожатием руки, но сейчас ее захлестнула обида. В ней вдруг заговорило мстительное чувство.

— Думаю, наше время уже истекло, — сказала она и быстро зашагала к терминалу.

Когда стеклянные двери сомкнулись за ней, Маура уже жалела о сказанном. Она остановилась, оглянулась, но Дэниел уже садился в машину.

Ноги мужчины были раздвинуты, так что виднелись поврежденные семенники, обожженная кожа ягодиц и промежности. Снимок, сделанный в морге, появился на экране неожиданно, без каких-либо предваряющих слов лектора, однако никто из присутствовавших в темном

конференц-зале отеля не выказал ни малейшего удивления. Здесь сидели люди, привычные к виду истерзанных, искалеченных тел. Тем, кто касался обугленной плоти и вдыхал ее удушающий запах, стерильное слайд-шоу не кажется таким уж страшным. Более того, седовласый мужчина, сидевший рядом с Маурой, то и дело клевал носом — в темноте она видела, как он время от времени вскидывает голову, пытаясь взбодриться; жуткие фотографии, которые демонстрировались на светящемся экране, как будто вовсе не трогали его.

— То, что вы видите сейчас, — типичные травмы от взрыва автомобильной бомбы. Жертва — сорокапятилетний русский бизнесмен, однажды утром он сел в свой «мерседес» — роскошный был автомобиль, надо признать. Повернув ключ зажигания, он привел в действие взрывное устройство, заложенное под сиденье. Как видно на этих рентгеновских снимках... — докладчик щелкнул компьютерной мышью, и на экране появился следующий слайд презентации: рентгенограмма таза, раздробленного в области лонного сочленения, осколки кости и металла врезались в мягкие ткани, — сила взрыва была такова, что металлические осколки врезались в промежность, прорвав мошонку и срезав седалищные бугры. С сожалением должен признать, что нам все чаще и чаще приходится сталкиваться с повреждениями, подобными этому, наступившими в результате взрыва, особенно сейчас, в эпоху постоянной террористической угрозы. Это взрывное устройство было относительно маломощным, с его помощью собирались убить только водителя. Если же говорить о терроризме, тут мы имеем дело со взрывами большей мощности и куда большим числом жертв.

Он снова щелкнул мышкой, и на экране появилось изображение иссеченных органов, поблескивающих на зеленой хирургической салфетке, словно товары в витрине мясной лавки.

— Порой можно не обнаружить внешних повреждений, даже если внутренние повреждения фатальны. Это результат взрыва, предпринятого террористкой-смертницей в иерусалимском кафе. У четырнадцатилетней девушки множественные поражения легких, а также перфорация органов брюшной полости. При этом лицо не задето. Ангельски чистое.

Следующая фотография вызвала первую более или менее заметную реакцию у публики: кто-то ахнул, кто-то вздохнул. Казалось, девушка отдыхает — ни тени тревоги на миловидном лице, карие глаза полуприкрыты густыми ресницами. Но патологоанатомов потрясла не запекшаяся кровь, а красота погибшей. О чем могла думать четырнадцатилетняя девочка в момент смерти? О школьных заданиях? Или о красивом платье? А может, о мальчике, которого заметила на улице. Она, вероятно, и представить себе не могла, что ее легкие, печень и селезенка вскоре окажутся на секционном столе и что в один прекрасный день двести патологоанатомов, собравшихся в темном зале, будут смотреть на ее фотографию.

Когда включили свет, зрители все еще находились под впечатлением от увиденного. Собравшиеся тихо покидали зал, а Маура осталась на месте, просматривая записи, которые успела сделать в блокноте: о самодельных бомбах из гвоздей и бомбах-посылках, об автомобильных бомбах и заглубленных минах. Если речь идет о причинении вреда себе подобным, человек бывает крайне изобретательным. «Мы так ловко убиваем друг друга, — думала она. — А против любви бессильны».

— Простите... Вы, случайно, не Маура Айлз?

Со своего места поднялся мужчина, сидевший впереди, за два ряда от нее. Примерно ее возраста, высокий и хорошо сложенный, загорелый и светловолосый, с выгоревшими на солнце прядями. «Судя по всему, калифорниец», — подумала она. Лицо мужчины показалось ей

смутно знакомым; казалось, они уже виделись раньше, вот только Маура не могла припомнить где. И это было странно. Ведь такое лицо ни одна женщина не забудет.

— Я так и знал. Это ведь ты, правда же? — Он засмеялся. — Честно, я сразу тебя заметил, как только ты вошла в зал.

Маура покачала головой:

— Простите. Мне немного неловко, но я вас не припоминаю.

— Ну да, потому что все это было очень давно. И я уже не ношу хвостика. Я Дуг Комли. Помнишь Стэнфорд, медицинская школа. Сколько же лет прошло, а? Двадцать? Неудивительно, что ты меня забыла. Черт, да я бы сам себя забыл за это время.

И вдруг память расставила все по местам — парнишка с длинными светлыми волосами, лабораторные очки на облупленном загорелом носу. Он был очень худеньким тогда, этакий доходяга в синих джинсах.

— Мы вместе делали лабораторную? — спросила она.

— Количественный анализ, третий курс.

— И ты помнишь все это даже двадцать лет спустя? Я потрясена.

— Про количественный анализ ни фига не помню. Зато тебя помню отлично. Ты сидела за лабораторным столом прямо напротив меня, и у тебя были лучшие отметки в группе. Ты ведь в результате попала на медицинский Калифорнийского университета в Сан-Франциско?

— Да, но сейчас живу в Бостоне. А ты?

— А я окончил Калифорнийский в Сан-Диего. И просто не смог уехать из Калифорнии. Пристрастился к солнцу и волнам.

— Завидую. Еще зима не началась, а я уже устала от холода.

— А мне, кажется, по душе этот снег. Здорово!

— Это лишь потому, что тебе не нужно ходить по сугробам четыре месяца в году.

К этому времени конференц-зал опустел, служащие гостиницы начали складывать стулья и выносить звуковую аппаратуру. Маура сунула свои заметки в тряпичную сумку и поднялась. Когда они с Дугом двинулись к выходу, каждый по своему ряду, она спросила:

— Ты будешь вечером на фуршете?

— Наверное. Но ужин ведь оставлен на наше усмотрение?

— По крайней мере, так значится в расписании.

Они вышли в фойе, где толпились остальные врачи с такими же белыми именными табличками на груди, с одинаковыми тряпичными сумками, какие обычно раздают участникам конференций. Остановились у лифта, подыскивая темы для поддержания разговора.

— Ты приехала с супругом? — спросил Дуг.

— Я не замужем.

— Но мне кажется, я видел объявление о твоей свадьбе в журнале бывших выпускников.

Маура удивленно вскинула брови:

— Ты всегда такой наблюдательный?

— Просто интересно, как поживают мои однокурсники.

— В моем случае — в разводе. Уже четыре года.

— Ох как жаль.

— А мне не жаль. — Она пожала плечами.

Они поднялись в лифте на третий этаж и вышли.

— Увидимся на фуршете! — Маура помахала рукой на прощание и достала магнитный ключ от номера.

— Ты ужинаешь с кем-нибудь сегодня? Лично я свободен. Если захочешь составить мне компанию, я отыщу какой-нибудь приличный ресторанчик. Только дай знать заранее.

Маура обернулась, хотела было ответить, но Дуг уже зашагал прочь по коридору, небрежно забросив на плечо тряпичную сумку. Она смотрела ему вслед, и в памяти вдруг всплыл другой образ Дугласа Комли. Как он в синих джинсах ковылял по кампусу на костылях.

— Кажется, в тот год ты сломал ногу? — крикнула она ему вслед. — Прямо перед госэкзаменами.

Дуг со смехом обернулся к ней:

— Так вот что ты помнишь обо мне!

— Только сейчас всплыло в памяти. Несчастный случай на лыжне или что-то вроде этого.

— Что-то вроде этого.

— Так, значит, это произошло не на лыжне?

— Вот черт! — Дуг покачал головой. — Мне как-то неловко вспоминать об этом.

— Ну вот! Теперь тебе придется все рассказать.

— Только если согласишься поужинать со мной.

В это время двери лифта открылись, и из него вышли двое — мужчина и женщина. Держась за руки, они шли по коридору — по всему было видно, что они пара. «Так и должны поступать влюбленные», — мелькнула у Мауры мысль. Парочка между тем скрылась за дверью гостиничного номера.

Она посмотрела на Дугласа:

— Я с удовольствием послушаю твою историю.

З

Они пораньше улизнули с вечеринки патологоанатомов и отправились ужинать в ресторан гостиницы «Четыре времени года» в Титон-Виллидж. После восьми часов лекций о повреждениях от взрывов и холодного оружия, о пулях и осколках Маура была сыта по горло разговорами о смерти и радовалась возможности вернуться в нормальный мир, где даже мимоходом не упоминали о гнилостных процессах, а самой серьезной темой для обсуждения было вино: какое выбрать — красное или белое.

— Так как же ты сломал ногу в Стэнфорде? — спросила она у Дугласа, пока тот вращал в бокале пино нуар.

Он состроил гримасу:

— Я надеялся, что ты об этом забыла.

— Ты же обещал рассказать. Поэтому я и пошла с тобой в ресторан.

— А я думал, тебя впечатлили мой искрометный юмор и неотразимое обаяние!

Она засмеялась:

— Ну ладно, и это тоже. Но главное — тайна сломанной ноги. У меня такое чувство, что это потрясная история.

— Ну хорошо, — вздохнул Дуг. — Хочешь правду? Я выделывался на крыше Уилбер-Холла и упал.

Маура уставилась на него:

— Боже мой, это же так высоко!

— Как выяснилось, да.

— Под действием алкогольных паров, полагаю?
— Ну разумеется.
— Выходит, это всего-навсего тупая студенческая выходка.

— Ты разочарована?
— Я ожидала чего-то более... ну, из ряда вон выходящего.

— Ладно, — признался он. — Я опустил пару деталей.
— Каких же?
— Я был в костюме ниндзя. Черная маска. Пластмассовый меч. — Он пожал плечами. — Было ужасно неловко, когда меня везли на «скорой» в больницу.

Маура посмотрела на него спокойным взглядом профессионала:

— И тебе до сих пор нравится разгуливать в костюме ниндзя?

— Ну вот видишь! — Он хохотнул. — Это больше всего в тебе и пугает! Любой другой на твоём месте просто посмеялся бы надо мной. А ты задала вполне логичный, трезвый вопрос.

— А есть ли у тебя трезвый ответ?

— Ничего на ум не приходит. — Дуг поднял бокал и провозгласил тост: — За безрассудные студенческие выходки! Чтобы мы всегда были готовы их повторить.

Маура сделала глоток и отставила бокал.

— Что ты имел в виду, сказав, будто во мне что-то «пугает»?

— Так ведь всегда пугало. Вот я, например, балбесничал в колледже. Развлекался как мог, пил-гулял до утра. А ты, Маура... ты всегда была такой целеустремленной. Ты точно знала, кем хочешь быть.

— По-твоему, это может отпугивать?

— Да, порой даже жутко становилось. Потому что у тебя всегда все было под контролем, в отличие от меня например.

Герритсен Т.

Г 39 Гиблое место : роман / Тесс Герритсен ; пер. с англ. Н. Куликовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-17048-3

На конференции в Вайоминге патологоанатом Маура Айлз встречает бывшего сокурсника и присоединяется к веселой компании, которая едет на лыжную базу. По пути начинается метель, и пятеро путешественников вынуждены заночевать в заброшенной деревне с названием Лучший Мир. Очевидно, жители бежали отсюда второпях, оставив двери незапертыми, окна нараспашку, обед на столе, одежду в шкафах. Увы, Лучший Мир оставляет желать лучшего — странные и страшные находки ожидают здесь непрошенных гостей. Удастся ли вырваться из этой ловушки, где лишь вой волков нарушает белое безмолвие?

Проходит несколько дней, и на поиски пропавшей подруги в Вайоминг прилетает детектив Джейн Риццоли. Ей сообщают, что в ущелье найден сгоревший автомобиль с останками четырех человек и одна из погибших — Маура. Но Джейн до момента похорон не верит в ее смерть...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ТЕСС ГЕРРИТСЕН
ГИБЛОЕ МЕСТО

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Анна Быстрова, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.08.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MB0-25536-01-R